

В центре современного искусства «Арс-Форум» открылась удивительная выставка саранского художника с лаконичным названием «Этнофутурист Юрий Дырин. Живопись». Мне посчастливилось в течение месяца, предшествующего открытию экспозиции, «перелистывать» его картины в запасниках центра, и восхищение мое творчеством художника накапливалось, интерес к Юрию Дырину вылился в продолжительную беседу с ним «о времени и о себе».

— Мои работы всегда нравятся женщинам, я к этому привык. И детям. Недавно в арт-галерее был случай: молодая мама пришла с ребенком на мою выставку, и чадо просто зашло в крике «Купи мне это!». Согласитесь, ситуация для арт-галереи нетипичная, скорее эту сценку можно наблюдать в магазине игрушек. Но факт есть факт — мама была вынуждена купить малышу картину.

— Но ведь это отнюдь не дешевый подарок? Те картины, к примеру, которые выставлены в «Арс-Форуме», тоже можно приобрести, но цена — от 400 до 1500 долларов — далеко не каждому поклоннику вашего таланта по карману.

— А я и не рассчитываю что-то здесь продать. Основная моя клиентура — посетители столичных арт-галерей. Я вообще в последнее время живу меж двух городов: пишу в Саранске, «продаю» в Москве. Сейчас, впрочем, как и во все времена, только в столице можно себя проявить.

— Неужели тяжелая, выматывающая энергетика мегаполиса, на которую жалуются большинство провинциальных жителей, так вам близка?

— Абсолютно! Я, как чеховская героиня, при малейшей возможности — «В Москву! В Москву!».

— С любимым городом мы определились...

— Да, это Москва или, если мечтать более глобально, Европа.

— А как с временным пространством? Вам близка эта эпоха?

— Только эта. «Времена не выбирают, в них живут и умирают». Другое дело, как ты сможешь проявить себя в своем времени.

— А вы считаете, что вам удалось проявить себя?

— Но раз я востребован как художник, раз меня приглашают участвовать в выставках, то смею надеяться, что да.

— Значит, страдания непонятого гения в тиши мастерской — это не про вас?

— В приложении к дню сегод-

— Понятие «депрессия» вам знакомо?

— Признаюсь, нет. Я не знаю, что такое депрессивное состояние, мне чужды творческие метания. Так что ни запоев, ни простоев... Каждое утро прихожу в мастерскую и начинаю работать. Мне нравится сам процесс творчества, так что, наверное, я очень счастливый человек.

дителем выписывал журнал «Семья и школа», там была цветная вкладка — репродукции картин. Меня тогда поразил автопортрет Ван Гога с отрезанным ухом. До этого импрессионистов не видел вообще. Первая встреча просто ошеломила... Уже много позже, после окончания художественного училища, увлекся наивом — Руссо, Пирсони. Сам

«заболел» этим. Сейчас, кстати, весь финно-угорский мир увлечен данным направлением. В моих же полотнах этнофутуризм скорее следствие эксперимента с материалом. А что касается «Фэнтези», то я никогда не страдал отсутствием собственной фантазии. Мне не нужен информационный допинг для подстегивания воображения. Если говорить о литературе, то я поклонник классики. Гессе, Моэм, Эдгар По — это мое. Но мифы — исторические, не современные — люблю.

— Ваше отношение к богемному образу жизни — фуршеты-банкеты-тусовки?

— Люблю. Но богемная жизнь у меня в основном сосредоточена в Москве. Саранск — это же провинция, откуда там богема?

ТАМ ЧУДЕСА, ТАМ ДЫРИН БРОДИТ...

начинал писать именно в стиле наивного искусства. И только после этого в моей жизни появились Пикассо, Дали, Малевич...

— Вы действительно понимаете, что изображено на картине «Черный квадрат» Малевича?

— Ну, если это полотно висит в Третьяковке, значит, это все-таки произведение искусства, не так ли? Все почему-то привязались к этому «Черному квадрату», он на всех, словно красная тряпка на быка, действует: «Что это значит?» Да ничего! Это просто черный квадрат. Есть, кстати, и белый. Его нельзя вырывать из контекста жизни художника, надо смотреть всего Малевича, знать это время, историческую эпоху... Это озорство, блеф великого художника, констатирующий, что дальше идти некуда: вот он, черный квадрат, бездонный колодец.

— Первый успех пришел рано?

— Да. Мы с братом постоянно участвовали в каких-то конкурсах. Однажды даже нарисовали эмблему города Саранска и получили за нее приз. Тогда нам учительница рисования подарила свои краски, этюдник, и мы рисовали просто на холсте, не грунтуя его...

— На ваших картинах живут очень дикие животные, чьи «шкурки» испещрены неведомой вязью древнейших языков. Откуда они «приходят» в мир ваших фантазий? Вы — поклонник стиля «Фэнтези»?

— Нет, все началось, повторю, с наива. А потом попал в Таллин на этнофутуристический фестиваль и

— А работаете когда же? Такой «отдых» отнимает много времени и сил...

— А вот работаю я как раз дома. Пишу достаточно быстро, одновременно несколько полотен. Занят с раннего утра до трех-четырех часов дня, эдакий крестьянский цикл. Но это совсем не та «работа», которая предполагает вынужденную отсидку на рабочем месте «от» и «до». В мастерской я тоже отдыхаю, но по-другому.

— Если бы была возможность пообщаться с кем-нибудь из великих живописцев прошлого, кого в качестве собеседника вы бы предпочли?

— Пикассо. Только он неразговорчивый был. Я сейчас много читаю о нем, последние его метафизические работы мне очень близки. Просто поразительный выплеск эпохи на холст, пропущенной через свое сердце.

Лариса ДРАЧ.

Фото Вячеслава ЮРАСОВА.

нышнему я вообще не знаю, про кого это. Время непонятых гениев давно прошло. Если тебя не понимают, следовательно, ты делаешь что-то не так или не можешь правильно донести свою мысль. Непонятым гением был Сезанн, другие импрессионисты, которые настолько опередили свое время, что могли претендовать на то, что обществу их не понимает и не принимает. Мои работы тоже не для всех — они интересны искусствоведам, востребованы искушенной публикой. Но я не кричу на всех перекрестках, что широкие слои обществу не доросли до Юрия Дырина. Я просто работаю.

— Откройте секрет — как вы «докатились» до такой жизни?

— Сколько себя помню, я всегда рисовал. У нас был деревянный пол, покрашенный суриком, и мы с братом (он тоже, кстати, стал художником) слонялись пальчики и рисовали на полу. Родители удивлялись, глядя на наши игры, потому что были людьми, далекими от искусства: мама всю жизнь проработала на ферме, отец был лесником. Потом были разрисованные тетрадки старшей сестры... Еще очень сильное впечатление из детства: у нас в школе была «малая Третьяковская галерея» — прекрасные репродукции картин. А еще ро-